

**Настя Ненастьева
Евгения Кротова
Сана Эванс**

Любовь не без улик

**Серия «Румперия. Романтика
со вкусом. Сборники об
искренних чувствах»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74324946
Любовь не без улик : [сборник].: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-251242-1*

Аннотация

ТРИ ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗА О ТАЙНАХ И ЛЮБВИ.

Если вы ищете легкие детективные истории с захватывающим сюжетом и яркой романтической линией, то эти истории для вас!

Давние соперники в стенах закрытой школы вынуждены сплотиться, чтобы найти пропавшую реликвию известного художника, которая, по слухам, способна навлечь проклятие.

Таинственная незнакомка со старинного фото проведет вас по улочкам Петербурга.

А в солнечном Сочи разыграется драма, достойная Агаты Кристи.

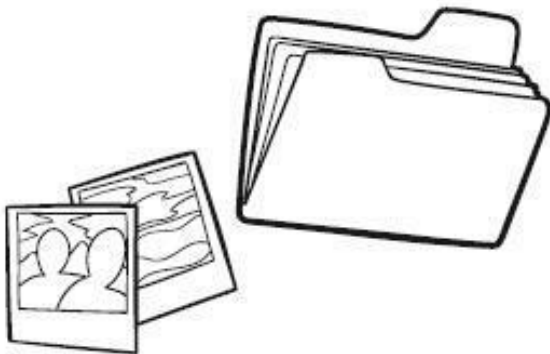
Этот сборник идеален, когда хочется забыть обо всем и погрузиться в детективное расследование, где за беззаботной атмосферой скрываются странные совпадения, исчезновения, недосказанности и чувства, которые невозможно игнорировать.

Настя Ненастьева, Сана Эванс и Евгения Кретьева – их истории скрасят ваши дни, подарят тепло и уют!

Содержание

Настя Ненастьева	7
Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Настя Ненастьева, Сана Эванс и Евгения Кретьова Любовь не без улик

Серия «Румперия. Романтика со вкусом. Сборники об искренних чувствах»

Иллюстрация на обложке *Chinchilka*

© Евгения Кретьова, Настя Ненастьева, Сана Эванс, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Настя Ненастьева

Коллекция теней

Глава 1

Летний Петербург просыпается иначе, чем другие города. Не как Москва: быстро, резко, с многочисленными пробками, вечно мигающими сигналами светофоров, спешащими людьми и ощущением, что ты уже опаздываешь, даже если только открыл глаза. Не как Сочи: размеренно и лениво, под крики чаек и шум моря, под свежесваренный кофе и неспешную прогулку по набережной. Не как Архангельск: по-северному строго, с прохладным июньским утром, резким ветром и ясным пониманием, что день требует собранности с первой минуты.

А по-своему. Белая ночь медленно отступает, не исчезая сразу, а будто сдавая позиции: свет становится ярче, а тени мягче. Город не просыпается резко, он просто меняет интонацию.

Набережные и мосты еще пустые. Можно остановиться посреди улицы и не оглядываться по сторонам, не уворачиваться от людей с поднятыми телефонами, которым обязательно нужно успеть запечатлеть все и сразу. Петербург в

этот час не позирует и не торопится – он существует для тех, кто вышел слишком рано или вовсе не ложился спать.

А прямо сейчас он существовал будто только для одной Юли Синицы.

Юля стояла на Банковском мосту, вооружившись небольшим складным мольбертом с бумагой и парой коротких карандашей, из-под которых вышел уже не один десяток рисунков. Краски она с собой не брала – утро не терпело медлительности. Под грифелем появлялись очертания канала, чугунные перила, тяжелые фигуры грифонов, которые в это время суток выглядели особенно серьезными, словно и правда что-то охраняли.

Юля почти не задумывалась о каждом штрихе, потому что набитая рука сама уже знала, что нужно делать, совсем как у музыканта, который, даже если не брал несколько лет инструмент в руки и забыл ноты, все равно воспроизведет мелодию, которую играл когда-то. Она делала паузы только для того, чтобы сравнить рисунок с тем, что видела перед собой: прищуривалась, проверяла пропорции, убирала лишнее и... удовлетворенно кивала.

Юля любила работать в такое раннее время, даже несмотря на то что жила за городом, в Пушкине. С наступлением лета, которое выдалось в этом году на редкость теплым, почти каждый день Юля ездила в Петербург на электричке. Точнее, нет, не так. Сначала на первом автобусе до ж/д станции, потом – на дергающейся и трясущейся электричке до

Витебского вокзала, а после еще и на метро до нужной ей точки. Но все эти дорожные «прелести» перекрывали незабываемое ощущение, что Петербург принадлежит только ей. Пока туристы спят, пока улицы полупустые и город не стал просто фоном для чужих фотографий, пока он позволял себя рассматривать и рисовать. И Юля этим пользовалась.

Юля рисовала с детства и сейчас училась в художественном колледже. Получалось у нее хорошо, хотя она никогда не считала себя вторым Брюлловым или Шишкиным. Она скептически относилась к таким сравнениям: техника, по ее мнению, совершенствуется всю жизнь, а стиль – это то, что вырабатываешь постепенно, через постоянные эксперименты, наблюдения и работу над собственными привычками. И если в итоге кто-то видит в этом что-то свое – значит, все не зря.

Выросла Юля с бабушкой. Той самой бабушкой, которых иногда встречаешь на улицах культурной столицы и невольно оборачиваешься: ровная осанка, винтажная сумка, красивая брошь, выглаженное платье, а на пальцах – перстни. Ощущение, будто она идет не в магазин, а на царский прием.

В молодости бабушка Юли занималась реставрацией старинных тканей и костюмов – делом красивым, тонким и совершенно неприбыльным. Она могла часами говорить о швах, фактурах и том, как ткань «помнит руки», но зарабатывать на этом не умела. А после начала массового производства ее профессия и вовсе стала невостребованной.

После аварии, в которой погибли мама и отчим Юли, когда та училась в старших классах, выяснилось, что вместе с квартирой на Петроградке в наследство остались еще и долги. Не катастрофические, но вполне ощутимые: кредиты и микрозаймы, оформленные «на развитие», и неудачная попытка открыть маленький бизнес, который так и не взлетел. Бабушке пришлось продать квартиру в центре, закрыть все обязательства и переехать с внучкой в жилье поменьше в Пушкин, за город. Она, коренная петербурженка, ни разу не назвала это жертвой. Хотя Юля понимала: для бабушки этот переезд был прощанием с привычной жизнью, с маршрутом «дом – набережная – театр», с городом, в котором она прожила жизнь.

Несмотря на то что сама бабушка так и не смогла прилично заработать на искусстве, она всегда поддерживала Юлю в мечте стать художником. Говорила, что искусство нужно не для дохода, а для того, чтобы человек не переставал замечать мир вокруг – видеть детали, чувствовать ритм, находить красоту в обычных вещах. Без этого, по ее словам, жизнь становится плоской и однообразной. И Юля запомнила эти слова лучше любых наставлений. Лучше быть бедным художником, чем богачом, но слепым к красоте мира.

Наверное, поэтому она и не ленилась вставать так рано и ехать на перекладных в город, потому что иначе она просто не могла.

И все же была еще одна весомая причина ездить в Питер.

– Если честно, я бы даже обиделся, если бы тебя здесь не оказалось!

Юля вздрогнула, улыбнулась и обернулась. У перил стоял Егор с неизменной камерой на шее.

– Я так и знал, – продолжил он, не дожидаясь ответа. – Банковский мост, раннее утро, грифоны. Ты слишком предсказуема, Синица. Хорошо, что я снимаю комнату здесь рядом.

– Я вообще-то тебя не слышала. Ты подкрался! Совсем как маньяк!

Она укоризненно зацокала языком.

– Это не я подкрался, – возразил Егор. – Это ты слишком увлеклась. Очень опасное состояние для художника, когда он один. И когда он – это она, красивая девушка.

Юля заправила прядь медно-рыжих волос за ухо и покачала головой.

– Успокойся. Если что, меня защитят грифоны.

– О, ну, тогда я спокоен, – кивнул Егор. – Они выглядят надежнее полиции.

Юля и Егор учились на одном курсе, но на разных направлениях. Она – на живописи, он – на фотографии. Егор перевелся в колледж в середине года из другого учебного заведения, и Юля заметила его почти сразу на общей лекции. Да и как было не заметить: высокий, светловолосый, с голубыми глазами, задумчивым взглядом и привычкой смотреть на людей так, будто он уже мысленно выстраивает кадр и делает

самые крутые фото в их жизни.

При переключке она узнала, что новенького зовут Егор Руднев. Имя сразу запомнилось. Но подойти и познакомиться она так и не решилась ни в тот день, ни потом, вплоть до зимы.

Ей казалось, что такая девушка, как она, не может быть интересна этому парню. Не потому, что Юля считала себя некрасивой, – внешность ее никогда особенно не волновала, она знала, что привлекательна. Просто она жила иначе: впечатлениями, короткими моментами, случайными деталями, которые цепляли взгляд и не отпускали.

Юля могла остановиться посреди улицы из-за отражения в витрине, трещины на стене или неровной тени от фонаря и подолгу рассматривать ее, пока в голове не появлялось ощущение, что именно в этом есть что-то важное. Фраза «я художник – я так вижу» олицетворяла ее. Юля часто забывала о договоренностях, потому что внезапно замечала что-то действительно интересное и мир вокруг на несколько минут переставал существовать. Она была энергичной, но несобранной; внимательной, но не всегда организованной.

А Егор казался ей другим. Спокойным и сфокусированным человеком, который знает свой маршрут и не сомневается на поворотах. А самое главное – взрослым, в то время как в свою сторону она часто слышала фразочки а-ля «По-взрослей уже».

Окончательно Юля поняла, что влюбилась в Егора, перед

зимней сессией. Они стояли в очереди к старому кофейному автомату. Тот не выдал стаканчик, и кофе полился прямо на поддон. Егор обреченно вздохнул и выдал что-то неожиданно смешное про «экзистенциальную ценность дешевого растворимого кофе», и Юля не смогла удержаться от смеха и почти сразу утонула в его глазах.

Художница и фотограф быстро подружились. Садись рядом на общих парах, гуляли по городу после занятий, искали места, которые хотелось либо снять, либо зарисовать. Но Егор не говорил о чувствах, а первой Юля – будь неладно это девичье «парень должен первым» – признаваться не решалась. Она слишком хорошо знала, как легко можно разрушить то, что уже есть, если назвать вещи вслух. В старших классах школы она обожглась дважды и больше что-то не хотелось.

Егор всегда находил для нее время, помнил о всяких мелочах и появлялся рядом именно тогда, когда она его не ждала. Или, наоборот, ждала. Но ни разу не было ни намека, ни двусмысленного взгляда, ни случайного прикосновения, которое можно было бы расценить иначе.

И со временем Юля смирилась с мыслью, что именно так все и останется, хоть ее бабуля и говорила, что «дружба между мужчиной и женщиной – это любовь, которой не дали вырасти».

– Готовишься к выставке?

Егор подошел ближе и заглянул в мольберт. До откры-

тия оставалось меньше месяца: в Севкабель Порту готовили летнюю студенческую выставку – совместный проект колледжа и одного из кураторов площадки. Работы будут отбирать внимательно, и каждый студент понимал: это не просто учебная галочка, это шанс показать себя вне стен мастерских колледжа.

– Ага. Как думаешь, грифоны впечатлят зрителей?

Егор задумался, и по выражению его лица Юля сразу все поняла и нахмурилась.

– Эй, ты чего, я же ничего не сказал!

– И без того все видно.

Юля резким движением провела карандашом по наброску. Для выставки в Севкабель Порту ей хотелось изобразить Петербург другим: не парадным и сувенирным, а неочевидным и живым. И сейчас она поняла, что грифоны слишком очевидны, хоть и красивы.

С кислым видом она смотрела на перечеркнутый лист и уже сожалела, что испортила довольно неплохой рисунок.

– А знаешь что? – спросил Егор.

– Что? – Юля подняла на него взгляд. Раздражение еще не успело пройти, но любопытство оказалось сильнее. Она хорошо помнила: если Егор начинал так, значит, в голове у него сложилось что-то разумное. Сумасбродные идеи ему были несвойственны, и его «а знаешь что» почти всегда означало выход.

Егор слегка улыбнулся.

– Первая выставка должна запомниться. Не только тебе, но и вообще всем. А для этого не нужно рисовать то, что и так изображено на каждом магните.

Он кивнул на мольберт.

– Грифоны никуда не денутся. Но если ты хочешь покори́ть зрителей, давай найдем незаезженный Петербург.

Юля улыбнулась в ответ. Егор шагнул ближе и обнял ее за плечи. На секунду ей показалось, что она слышит, как часто заби́лось в груди его сердце, но умом Юля понимала, что ей просто хотелось, чтобы это было так. Его клетчатая рубашка, надетая поверх белой футболки, была теплой и пахла утренняя́м кофе – Егор предпочитал варить дома молотый в турке. Юля автоматически придвинулась ближе и позволила себе опереться на его плечо, отпуская раздражение и обиду на собственные эмоции, в порыве которых пострадала ее работа.

Рядом с Егором ей стало удивительно уютно. Она поймала себя на мысли, что стоит на мосту в самом красивом городе в мире – в Петербурге, который только начинал дышать и просыпаться, – и рядом человек, с которым все кажется простым и легким.

Юля посмотрела вниз, на воду канала Грибоедова. В ней отражались фасады домов, темные окна, кованые перила моста и золотые крылья грифонов, чуть искаженные рябью. Город в отражении выглядел мягче и тише, словно не совсем настоящий.

Егор отстранился и прищурился.

– Ну-ка замри, – скомандовал он и потянулся к камере, привычным движением снимая ее с шеи.

Юля послушно отошла на шаг и гордо задрала подбородок. Ей льстила сама мысль о том, что у Егора будут ее фотографии. И не важно, что они просто друзья.

Порыв ветра взъерошил ее рыжие кудри, и Юля машинально откинула волосы назад, стараясь выглядеть непринужденно и не позировать. Егор уже поднес камеру к глазам, но вдруг замер.

– Вот блин... – Он опустил фотоаппарат. – Флешку не вставил. Вчера снимал заказ, вытащил и оставил в ноуте. А я же еще и в городе хотел сегодня кадры интересные отснять...

Юля сочувственно вздохнула.

– Значит, не судьба?

– Судьба, – тут же возразил он. – План такой: идем ко мне в коммуналку, забираем флешку – и гулять.

Он на секунду задумался и добавил:

– У тебя же не завтра первый экзамен?

– В среду, – пожала плечами Юля. – А может, ты просто пофотографируешь на телефон? Я, конечно, больше по живописи, но технологии сейчас такие, что камера айфона...

Егор медленно перевел взгляд с фотоаппарата на девушку. Выражение лица парня было спокойным, снисходительным и одновременно оскорбленным до глубины всей его профессиональной души. В этом взгляде так и читалось: «Ты

сейчас серьезно? Какой-то айфон против классического зеркального фотика?!»

– Все-все. – Юля рассмеялась и подняла руки в знак капитуляции. – Поняла.

– Вот и отлично, – улыбнулся Егор, снова вешая камеру на шею. – Тогда хватаем мольберт, вещи и пойдем.

Коммуналка Егора встретила их знакомым полумраком и длинным коридором, где всегда было холоднее, чем на улице. Юля бывала здесь всего пару раз, но этого оказалось достаточно, чтобы место запомнилось: потертый линолеум, местами заплатаанный скотчем, несколько полинялых ковров с выгоревшими узорами, старые обои в цветочек и большая люстра с хрустальными пыльными висюльками на потолке. Помимо Егора здесь жила молодая семья с ребенком, глухая бабулька и студент-историк Леша, с которым Егор хорошо общался.

Неприятно пахло жареной рыбой: кто-то готовил себе завтрак в крошечной кухне сразу у прихожей, не заботясь о том, что запах мгновенно расплзется по всей коммуналке. Юля мельком посмотрела в длинное зеркало, висящее у входной двери.

Зеленые любопытные глаза, чуть румяные после быстрой ходьбы щеки, легкая улыбка, прямой нос, усыпанный веснушками. Только нос, что ее всегда немного удивляло. «Как солнышко могло пройтись по всему лицу так избирательно и щедро отсыпать веснушек только туда?» – любила удивлять-

ся мама.

На Юле была широкая легкая хлопковая блузка с рюшами с абстрактным цветочным узором, которую она умудрилась сочетать с джинсовыми шортами до колена с необработанными краями. На ногах – простые белые кеды, немного заляпанные краской, а через плечо была перекинута маленькая красная сумочка с вышитой синицей, куда помещались лишь кошелек, телефон и ключи.

Она улыбнулась отражению и быстро отвела взгляд. В этот момент из кухни вышел мужчина, на вид ему было под пятьдесят: высокий, широкий в плечах, он был похож на медведя. А лицо, судя по шрамам и кривому носу, познало не один кулак.

Юля инстинктивно напряглась и поправила блузку. Раньше она его здесь не видела, значит, новый жилец. И, честно говоря, делить с таким коммуналку ей бы не хотелось. Мало ли, из каких мест, не столь отдаленных, он сюда приехал. И как вообще Егору не страшно? Никакая жизнь рядом с Казанским собором не стоит того.

Но мужчина неожиданно улыбнулся, неловко и почти смущенно.

– Доброе утро, – вежливо пробасил он. – Минтай будете, интеллигенты?

Юля растерялась и посмотрела на друга.

– Спасибо, нет, – вежливо отказался Егор. – Мы на пять минут.

– Ну, как знаете, – кивнул мужчина. – Если что – угощайтесь.

Он развернулся и исчез в кухне.

Юля выдохнула только тогда, когда они отошли к комнате Егора.

– Это что еще за бандитский Петербург? – шепотом спросила она.

Егор усмехнулся, доставая ключи.

– Это Виталик. Сын бабули из третьей комнаты. Он вообще-то нормальный.

– Нормальный? – скептически уточнила Юля.

– Более чем. Он как-то ко мне подошел и спросил, не мог бы я посмотреть телефон. У него, говорит, «что-то там сломалось». Оказалось, что просто включился авиарежим.

– И все?

– И все, – кивнул Егор. – Я нажал одну кнопку, интернет появился, жизнь наладилась. С тех пор он считает меня самым умным интеллигентом Питера и чуть что выручает.

– После такого ты почти волшебник, – сказала Юля. – Магия вне Хогвартса!

– Именно так, – улыбнулся Егор. – Заходи.

Комната была небольшой и полупустой: сразу видно, что живет парень. Вот у нее всегда миллион вещей и вечный творческий беспорядок. Егор прошел к столу и взял ноутбук.

– Блин, в ноуте флешки нет. Куда же я ее дел...

Юля положила сумку с мольбертом на кровать, подошла

к окну и выглянула наружу. Двор-колодец. Узкий круг пространства, окруженный окнами, которые смотрели друг на друга почти вплотную. Где-то висело белье, где-то стояли горшки с растениями, а где-то стекла были заклеены газетами. Юле всегда было немного не по себе от таких дворов. Слишком замкнуто и тесно, а пространство словно сжимается в попытке задушить. Ей гораздо больше нравился вид на улицу, да пусть даже окна на помойку выходили бы, чем это аккуратное кольцо. Она отвернулась от окна и подошла к небольшой навесной книжной полке, где в рядок выстроились томики зарубежных детективов.

Проведя пальцем по корешкам, Юля спросила:

– Егор, а кто лучше: мисс Марпл или Эркюль Пуаро?

Егор посмотрел на нее так, будто его внезапно спросили о чем-то очень личном.

– Юль, это как спросить, что вкуснее – чай или кофе, – сказал он. – Спойлер – и то и другое вкусное. Марпл выигрывает наблюдательностью и умением замечать людей такими, какие они есть, даже когда те сами стараются выглядеть иначе. Она тихая, но ничего не упускает. Пуаро же берет другим: у него почти болезненная любовь к порядку, логике и красивым схемам. Он не просто ищет улики – он строит из них идеальную картину, в которой все обязано встать на свое место. И да, – хмыкнул Егор, – его усы тоже работают на авторитет. Когда у тебя такие усы, люди признаются быстрее.

– Я и не знала, что ты любитель детективов, – заметила

Юля.

– Скорее новообращенный, – усмехнулся Егор. – Начал читать недавно. Жаль, в детстве не увлекся, теперь навёрстываю. Парадоксально, но это здорово разгружает мозг: ты следишь за загадкой и забываешь про все остальное. А тебе такое вообще заходит?

Юля на секунду задумалась, потом повернулась и облоко-тилась о стол.

– Мне нравится Шерлок.

– О, класс. Какой рассказ?

Она чуть смутилась.

– Э-э... Я про сериал. Современный. Где Камбербэтч в стильном пальто и с вечным выражением «я умнее всех» на лице.

Егор не сдержал улыбки.

– Пальто... Эх вы, девушки.

– Ну а что девушки? – Юля улыбнулась и пожала плечами. – Мне скучно читать, как кто-то другой все разгадывает. Вот если бы самой во что-нибудь вляпаться и все расследовать – вот это да. Тайны, улики, подозрительные типы... другое дело.

– С такой формулировкой мне уже страшно. – Егор прищурился. – Ты говоришь как человек, который способен превратить обычный поход за кофе в уголовное дело.

Юля состроила серьезную мину:

– Тут не хватает только тревожной музыки из «Крими-

нальной России» и голоса за кадром.

Егор сразу подхватил, понизив голос и придав ему характерную телевизионную бархатную хрипотцу:

– Летним утром обычная студентка Юлия Сеница вышла в город порисовать в компании одного обаятельного фотографа. Юля, она же Рыжая художница, она же охотница за впечатлениями, она же «эй, ты опять куда полезла» и «девushка, кто вам разрешил?!», еще не знала, что уже через несколько часов ей придется разбираться совсем не с красками и этюдами, а с куда более странными и мутными вещами.

Юля расхохоталась, прижала ладонь ко рту, пытаясь остановиться, но смех все равно прорывался наружу.

– Боже, Егор, – выдохнула она наконец, вытирая выступившие слезы. – Если я когда-нибудь пропаду, я хочу, чтобы именно ты рассказывал обо мне по телевизору. Хотя бы будет красиво и смешно.

В его глазах мелькнуло одобрение.

– О нет. Я тебя все равно найду. Только для начала отыскать бы флешку...

Егор был приезжим. Родом из Карелии, из семьи учителей, где к его увлечению фотографией относились пусть и со скепсисом, но с поддержкой начинаний. Родители, по словам парня, всегда говорили, что верят в него и что все получится, хотя между собой иногда сомневались, можно ли вообще зарабатывать на снимках, чтобы в будущем кормить се-

мью. Егор слышал эти разговоры, но никогда не упрекал родителей; в конце концов, их поколение в большинстве своем считало, что работа должна быть обязательно распространяемая, на всю жизнь и непременно с записью в трудовой книжке.

Два курса Егор отучился в Петрозаводске, а потом внезапно решил, что пора ехать дальше, в город, где фотография была не просто хобби, а частью повседневной жизни. В Санкт-Петербурге он быстро освоился: учеба, съемки на мероприятиях, частные заказы. Комнату снимал у знакомых родителей с ощутимой скидкой, за которую был искренне благодарен.

– Нашел, – сообщил Егор, держа флешку двумя пальцами, будто трофеем. – Все это время лежала прямо передо мной.

Он сунул ее в фотоаппарат и уже собирался что-то сказать, но на секунду замялся, после чего спросил:

– Хочешь чаю или кофе? У меня есть молоко. Не факт, что свежее, но... И эклеры есть, вручили после съемки свадьбы. Они с клубничной начинкой, как ты любишь.

Юля удивленно приподняла брови. Она никогда не говорила, что любит десерты с клубникой. Егор смутился. Надо было что-то ответить, чтобы не затягивать неловкую паузу. Юля тут же вспомнила соседа Виталика, и захотелось поскорее уйти из коммуналки, пусть в комнате Егора было и безопасно.

– Звучит заманчиво, – улыбнулась она. – Но давай лучше

забежим в кафешку у метро? Возле Дома Зингера. Айс-латте там такой, что после него хочется жить и творить.

Егор усмехнулся, явно с облегчением.

– С карамельным сиропом?

– Обязательно, – кивнула Юля. – Чтобы жизнь бедных студентов была чуть послаще.

В круглосуточном кафе было немногочленно. Юля и Егор и не заметили, как пролетело почти два часа: они перескакивали с одного видео на другое – разбирали композиции для экзамена по рисунку, слушали советы про свет и тень и даже смотрели ролик на тему: «Почему преподаватель смотрит и молчит и как это пережить». О том, что друзья засиделись, напоминали несколько пустых чашек, крошки на столе и смятые салфетки.

Когда они вышли на улицу, город уже почти проснулся. Вдоль канала Грибоедова тянулись туристы с кофе навынос, доставщики лавировали на велосипедах, а по воде один за другим скользили прогулочные катера. С них бодрыми голосами зазывали на экскурсии, обещая Петербург с лучшего ракурса и всего за сорок минут.

У причала у Казанского собора – места, которое, казалось, не пустовало никогда, даже в самый нетуристический сезон, – Юля вдруг резко остановилась. Взгляд у нее стал таким, какой появлялся только перед обычно сомнительными, но очень заманчивыми идеями. Зеленые глаза загорелись.

– Пойдем на лодочки! Егор, ну пожалуйста. Я сто лет не

каталась! Последний раз с... – Она осеклась и проглотила несказанную фразу. В последний раз она каталась здесь с мамой и отчимом, который с малых лет заменил ей отца. Прошлым летом. И почему-то это «прошлым летом» сейчас ощущалось как другая жизнь.

Егор машинально посмотрел на воду. Взгляд скользнул по поверхности реки и тут же вернулся к Юле, но между этими двумя секундами что-то изменилось: плечи стали чуть напряженнее, губы сжались, и Егор будто на мгновение был выбит из привычного равновесия.

– Сто лет – это с прошлой весны? – спросил он как можно будничнее.

– Это художественное преувеличение, – возразила Юля. – Мне жизненно необходимо. Вот.

Он и глазом моргнуть не успел, как Юля уже сбежала по ступенькам вниз, к причалу, и стояла у кассы, решительно доставая карту. Егор вздохнул и пошел следом.

– Ладно, – сдался он. – Но, если нас укачает, я напомним, что это была твоя идея.

Через минуту они уже сидели на потертом временем прогулочном теплоходике. Пассажиров было немного: Юля с Егором, несколько дам в возрасте, расположившихся на деревянной скамейке перед ними, и какой-то странного вида мужчина в капюшоне, совершенно не похожий на ценителя водных прогулок.

Когда теплоход тронулся, гнусавый голос экскурсовода

заполнил пространство. Женщина уверенно рассказывала о домах, писателях и художниках, что там жили, и просто упоминала разные интересные факты. Микрофон был слишком громким, но Юлю это ничуть не раздражало. Она слушала вполуха и, наклоняясь к Егору, оживленно шепотом комментировала и иногда смеялась сама себе.

– Представляешь, жить вот здесь. И каждое утро смотреть, как под окнами проплывают туристы.

– Ты бы им точно махала, – отозвался Егор, не отрывая взгляда от домов, будто берег сейчас был особенно важен.

– Еще бы, – оживилась она. – Я бы им такие перформансы устраивала. Выходила бы на балкон и орала, чтобы не заглядывали мне в окна, потому что я вообще-то могу быть без штанов. А потом – раз! – распахнула бы халат, а там...

Впереди разговоры оборвались. Одна из женщин медленно обернулась, с тем особенным выражением лица, когда еще не решил – возмущаться или делать вид, что ослышался.

Егор прикрыл рот рукой, но по глазам было видно: он изо всех сил борется со смехом.

– ...а там вообще-то я в штанах! – закончила Юля и невинно приподняла брови, будто сообщила что-то само собой разумеющееся. – А не то, о чем вы подумали!

Она заговорщически подмигнула Егору, как после маленького удавшегося хулиганства, понятного только им двоим.

Пенсионерка спереди наклонилась к соседке и пробормо-

тала вполголоса, но так, что услышал весь катер:

– Молодежь нынче без тормозов. Вечно у них ветер в голове.

Соседка согласно кивнула и окинула Юлю взглядом из-за плеча. Юля лишь закатила глаза. Обычно так говорят те, кто в молодости вытворял ровно то же самое, просто без кучи свидетелей и без сторис на весь интернет.

Ее бабушка была как раз из таких. Интеллигентка, коренная петербурженка, с правильной речью и привычкой поправлять очки указательным пальцем – в молодости бабуля была еще той авантюристкой. Или, как она сама однажды призналась, «с характером и дурной головой».

Однажды бабушка рассказывала, как в девятнадцать лет забралась глубокой ночью на крышу дома рядом с Кунсткамерой просто потому, что кто-то сказал, что оттуда потрясающий вид на развод мостов. Бабушка решила проверить лично. Пол-утра она потом провела в милиции, объясняя, что вовсе не собиралась что-то красть в соседнем музее или прыгать, а просто хотела найти лучшие виды.

Собственно, тут и к гадалке ходить не надо, чтоб понять, от кого Юля унаследовала характер.

Минут через десять теплоходик вышел в акваторию Невы, и его заметно закачало на волнах. В лицо полетели прохладные брызги. Свежие, бодрящие, будто сам город решил плеснуть водой и сказать: «Просыпайся, пора творить!» Солнце уже уверенно держалось над крышами, отражалось в воде, и

яркие блики создавали особое настроение.

Юля рассмеялась, наклонилась вперед и, не задумываясь, провела рукой по воде. От удовольствия она прикрыла глаза. Гнусавый и немного истеричный голос экскурсовода тут же оповестил, что перегибаться за борт запрещено, и Юля недовольно села ровно.

Егор по-прежнему улыбался, но держался за сиденье крепче, чем требовалось, и смотрел куда-то в сторону Эрмитажа, словно тот был важным ориентиром. Мимо пронесся скоростной катер, и теплоходик заходил ходуном. Единственный мужчина, который был на палубе, помимо Егора, спокойно продолжал снимать виды города на телефон, а вот пожилые дамы разом закудахтали, будто кто-то по команде встряхнул корзину с курицами.

Одна вцепилась в скамейку, как за последнюю соломинку. Другая судорожно прижала к груди сумку, уже явно решив, что спасатели должны будут спасать в первую очередь. Третья, та, что оборачивалась к Юле, замерла, уставившись в одну точку с выражением человека, который только что понял, что зря согласился на эту экскурсию.

Экскурсовод тем временем не просто не сбавила темп, она ускорила и прибавила децибелы. Голос внезапно ушел куда-то в ультразвук, перекрывая шум воды, двигатель и визги коллективного ужаса:

– А вот этот дом, он, э-э... стоял тут уже, когда еще... нет, подождите... а вот тут когда-то стоял мост, только это был

другой мост, и... в общем, здесь, наверное, что-то происходило, короче, вы просто смотрите и не бойтесь!

Юля смотрела на этот ансамбль ужаса и смеха и внезапно поймала себя на совершенно неприличной мысли: вот бы сейчас зарисовать это все! Композиция была идеальная – испуганные лица, драматично распахнутые глаза, спокойный как удав мужик в капюшоне и экскурсовод, кричащая в микрофон так, будто паника входила в сценарий круиза. Чистый экспрессионизм: «Пожилые дамы на фоне Невы, момент осознания бренности бытия». Да эта картина точно была бы изюминкой выставки!

Она даже мысленно прикинула, как бы это легло на бумагу: чуть утрировать жесты, добавить волны покруче и оставить мужчину с телефоном спокойным пятном на заднем плане как символ равнодушной вечности.

– Блин! – Юля хлопнула себя по коленкам от досады. – Моя сумка с мольбертом, бумагой и карандашами... Кажется, я забыла ее у тебя...

– Точно не оставила в кафе?

– Точно. – Юля кивнула, смахивая с лица прядь волос, улетевшую от ветра. – На кровати осталась. Да блин...

– Ну ничего, потом заберешь.

– Ну а вдруг бы мы нашли такое крутое место, которое хотелось бы зарисовать?

– И что мешает вернуться туда завтра?

– Ну... В общем, ты прав, да. Чего это я, в самом деле.

– Тогда есть идея: прогуляемся до Манежной площади? В колледже говорили, там выставка в эти выходные. Всякие ретроштуки, изделия ручной работы от местных мастеров. Может, отыщем что-нибудь интересное.

– А что, звучит неплохо.

Теплоходик уже не качало, волны успокоились, а туристы постепенно расслабились. Юля обратила внимание, что Егор выглядел бледнее обычного, возможно, его укачало. Она постаралась отвлечь его от волн, заводя разговор о том, что бы они могли найти на ярмарке, и минут через пятнадцать они завернули на Фонтанку и наконец причалили.

Глава 2

Площадь, на которой в любое время года разворачивались ярмарки, встретила шумом, смешением запахов и таким количеством народу, что глаза разбегались. Между белыми тентами тянулись ряды прилавков, и каждый был маленьким миром: где-то блестели керамические чашки и горшки с неровными, нарочно кривыми краями по фэншуй, где-то лежали стопки открыток с Петербургом – с разводными мостами, силуэтами Исаакиевского собора и шпилями Петропавловской крепости, а на некоторых были аккуратно нарисованы каналы с отражающимися домами и толстыми чайками. От одного угла тянуло свежемолотым кофе и корицей, от другого – лавандой и мылом ручной работы, похожим на конфеты.

Люди текли между рядами медленно, как будто никто никуда не спешил. Примеряли шарфы и береты, перебирали украшения, фотографировались, обсуждали цены и качество, дети тянули родителей к стендам с деревянными игрушками и смешными птичками на пружинках. А где-то рядом уличный музыкант тихо наигрывал что-то джазовое, и эта музыка будто связывала все происходящее в одну уютную летнюю сцену.

Юля обвела взглядом ряды прилавков.

– Было бы неплохо найти какие-нибудь интересные ре-

продукции или мини-этюды... Что-то необычное.

К ней тут же подскочил мужчина в тельняшке и кепке с плакатами в руках, чуть не сбив с ног.

– Налетай, торопись, покупай живопись!

– Извините, но правильно говорить живопись, – мягко поправил его Егор.

Мужчина тут же скривился и обиделся.

– Классику кино надо наизусть знать! Зумеры.

– Ладно-ладно, покажите, что у вас там, – улыбнулась Юля.

Тонкими изящными пальчиками она стала перебирать плакаты с разными изображениями. Внимание привлекла Мона Лиза с толстым котом на руках. Юля недоуменно приподняла бровь.

– Переосмысление самой великой картины! – важно заявил продавец. – Современный взгляд.

– Великой? Честно говоря, «Джоконда» меня разочаровала. Я была в Лувре однажды, ожидала чего-то монументального и почти священного, а увидела маленькую картину, которая совсем не выглядит такой уж прям эффектной.

– Так это «Мона Лиза», девушка! – фыркнул мужчина. – А не какая-то там... как вы назвали? Классику знать надо, говорю же! Зумеры.

– Да кто там к зумерам прицепился? – вдруг прохрипела девушка за прилавком позади. – Между прочим, зумеры – это поколение, которое может отлично знать Ренессанс, сни-

мать про него вирусные видео в соцсетях и зарабатывать на этом больше, чем вы на своих дурацких плакатах!

Продавец не нашелся, что возразить, обиженно насупился, отобрал у Юли плакаты и скрылся в толпе.

– Такой взрослый и такой обидчивый! – фыркнула девушка вслед и перевела взгляд на Юлю. – Юлька? Синица? Ты, что ли?

Она развернулась к ним всем корпусом и, кажется, совсем забыла, что стоит приглядывать за своим товаром. Высокая, худощавая, немного угловатая, с длинными темными волосами и пирсингом на губе и брови, она выделялась в этой шумной толпе. А пестрое, донельзя короткое платье смотрелось вызывающе.

Девушка широко раскинула руки, явно радуясь неожиданной встрече.

– Милана? – удивилась Юля, но объятия приняла. – Это ты? Сто лет не виделись. После девятого класса ты как ушла, так больше и не встречались!

В школе они сидели за одной партой. Не лучшие подруги, но вполне себе приятельницы: вместе списывали контрольные, обсуждали учителей и строили планы на взрослую жизнь. Только если у Юли в приоритете было поступление в университет или колледж, то Милана хотела просто поскорее сбежать из школы, и совсем не важно, куда именно. Училась она плохо, и оценки ей завышали только из-за жалости к родителям, которые трудились в этой же школе на кухне

и в охране.

Так, после девятого класса Милана забрала документы и пошла учиться на парикмахера, но из-за нескольких недовольных клиентов быстро поняла, что стричь людей – это не нее. Потом, как она рассказала, были короткие и странные работы: администратор в квест-руме, продавец в ларьке с шавермой, официантка в баре с сомнительным контингентом, распространитель каталогов косметики. Милана нигде не задерживалась надолго, словно все время искала что-то, но так и не могла понять, что именно.

А сейчас летом устроилась торговать всякой всячиной на ярмарках: пихала туристам старые открытки, антикварные броши и фарфоровых котиков, уверяя, что это почти музейные экспонаты, просто по счастливой случайности оказавшиеся на складном столе под тентом. Делала она это с таким напором и артистизмом, что, кажется, и сама верила в каждое слово.

– Это Егор. Мы учимся вместе, – представила парня Милане Юля.

Та без стеснения пробежалась по нему взглядом с головы до ног и довольно кивнула, будто мысленно поставила галочку.

– Фоткаешь? – Милана взглядом указала на камеру на груди Егора. – Меня пофоткаешь? Я по-всякому могу.

Егор смутился, и девушка залилась хохотом.

– Ой да ладно, шучу я! Какие все мужчины сейчас неж-

ные, да, Юлька? Ты все-таки молодец. Хотела быть художником – стала. А я вот... то тут, то там. И теперь думаю, как бы все это добро спихнуть туристам так, чтобы они еще и спасибо сказали.

– Кстати, про добро, – невозмутимо напомнил Егор. – За ним бы неплохо присматривать.

– Черт!

Милана метнулась обратно к прилавку, ловко оттесняя от витрины парочку слишком заинтересованных покупателей. Юля с Егором обогнули стол с деревянными поделками и встали напротив нее.

Прилавок подруги детства был до отказа забит всякой всячиной. В основном там были старые пластинки, потрепанные книги, календари с пожелтевшими страницами, открытки и фотографии, каждая со своей историей.

– Бери что хочешь. Отдам за полцены, – заявила Милана.

– Это все твое? – удивилась Юля.

– Нет конечно! Но я скажу поставщику, что никто ничего не брал и пришлось скосить ценники. Выбирай!

Предложение Миланы выглядело заманчивым, и Юля с интересом принялась рассматривать товар. Большинство вещей выглядели старыми, повидавшими не одно поколение людей, а оттого имели большую ценность, чем та же «Мона Лиза» обиженного дядьки. Мелькнула мысль, что подобные вещи лучше продавать в антикварных лавках или хотя бы на блошиных рынках, но никак не на ярмарке у вчерашнего

подростка, который едва понимает, как устроен мир искусства.

Внимание Юли привлекли винтажные фотографии, на которых были запечатлены сцены городской жизни девятнадцатого века: торговцы с тележками, женщины в длинных платьях, дети, играющие на мостовых. Юля рассматривала фото одно за другим, показывая Егору детали – старинные вывески, котлов на крышах, уличные сцены с мелькающими фигурами.

И вдруг она остановилась. На потрепанной черно-белой фотографии стояла красивая девушка с тонкими аристократическими чертами лица, изящной осанкой, аккуратно уложенными в прическу волосами и летним зонтиком в руках. В ее взгляде было что-то странное, почти современное, и от этого создавалось ощущение того, что незнакомка могла бы спокойно шагнуть в сегодняшнее утро и выглядела бы совершенно естественно. Юля не могла понять, что именно создавало это впечатление, но глаза девушки с фото пронзительно смотрели прямо на нее, словно пытаясь что-то сказать сквозь время.

– Я беру все эти фото, – сказала Юля, доставая из маленькой сумочки кошелек.

– Зачем тебе столько? – удивился Егор. – Что в них особенного?

– Да ты глянь! Они... живые! Каждый кадр будто маленькая картина! Неужели тебе не интересно, что скрывалось за

каждым таким кадром?

– Но ты же не увлекаешься фотографией.

– И что?

– Да, и что? – встряла Милана, которой не хотелось терять покупателя.

– Ну, дело твое, конечно, просто я не совсем понимаю, для чего тебе коллекция винтажных фото.

– Егор, – удивилась Юля. – Ты же фотограф, как ты вообще можешь меня отговаривать?

– Да, как ты можешь ее отговаривать? – поддакнула Милана.

Егор рассмеялся, чуть качнув головой:

– Ладно, ладно. Художников не стоит пытаться понять – лучше просто смотреть, что они вытворяют.

– Ты бы лучше тоже что-нибудь взял, – кокетливо посмотрела на парня Милана, и от ее взгляда Юля зябко поежилась, будто на улице было прохладно.

– Фоток у меня и так хватает, спасибо, – вежливо отказался Егор.

– Какой воспитанный, вы посмотрите, аж сахар на зубах хрустит!

– Мы пойдем, приятно было увидеться! – попрощалась Юля и потащила Егора за собой.

– Найди меня в соцсетях! – крикнула Милана напоследок, уже переговариваясь с новыми покупателями, а ребята растворились в потоке людей.

На ярмарке Юля успела прихватить еще красивую брошь с камушками, для бабушки, и пару маленьких акварельных наборов, которые, как ей показалось, обязательно пригодятся для работы, а Егору так ничего и не приглянулось. До вечера они гуляли по Петербургу, наслаждаясь таким редким гостем Северной столицы, как солнце.

Сначала заблудились в лабиринтах Летнего сада и строили там рожицы античным статуям, его постоянным обитателям. Затем простояли в длиннющей очереди за самыми вкусными пышками. Убегали от навязчивых аниматоров в костюмах коней и Петра с Екатериной. Сидели на фонтанах и ловили приятные освежающие брызги. А когда стемнело, Юля без стеснения танцевала под музыку уличных музыкантов. Все это время Егор держал камеру наготове, ловя девушку, город и разные маленькие моменты, которые делали день особенным.

...Юля сидела за столом у себя в комнате и упорно пыталась готовиться к экзамену по истории искусства. Учебник был раскрыт, конспекты разложены, карандаши и ручки тут же, под рукой. Даже бумага для шпаргалок, заранее нарезанная и аккуратно сложенная, ждала своего часа. Все вокруг выглядело образцово и настраивало на учебу, но взгляд то и дело соскальзывал с тетрадей на шкаф, со шкафа – в окно, а в окне, разумеется, находилось куда больше интересного, чем на страницах учебника. Мысли путались, а названия эпох и фамилии художников и скульпторов превращались в

бесконечный вязкий поток букв.

– Так, билет номер восемь: Моне и Мане. Рождение импрессионизма.

Юля вздохнула и подперла кулаком щеку. Второй рукой лениво стала перелистывать страницы.

– Ну конечно. Два художника с почти одинаковыми фамилиями... И попробуй потом не перепутать, кто писал барышень, а кто – туманы и кувшинки.

Она откинулась на спинку стула, покрутила карандаш между пальцами, проверила телефон, вздохнула и снова перевернула страницу. На ней была репродукция картины Клода Моне «Прогулка. Дама с зонтиком».

Юля наклонилась ближе. Взгляд зацепился за легкую фигуру девушки, за колышущееся белое платье. Казалось, еще секунда – и женщина шагнет вперед, трава под ее ногами зашуршит по-настоящему, а зонтик унесет порывом ветра. А небо... Небо было не просто ровным фоном, оно дышало, двигалось, жило своей собственной жизнью, разбитое короткими мазками кистью.

Юля резко отодвинула стул, поднялась и направилась к небольшому старому серванту, который достался от предыдущих владельцев квартиры и едва не уехал на помойку. В свое время она уговорила его оставить, перекрасила в изумрудно-зеленый, и с тех пор шкаф получил вторую жизнь и право хранить ее маленькие сокровища.

Девушка открыла дверцу и достала с полки коробку со

всякой всячиной. Внутри вперемешку лежали билеты с особо значимых мероприятий, засохшие веточки цветов, обрывки бумаги с разными набросками, ее первые рисунки и поделки, которые когда-то хранила мама. И те самые черно-белые старинные фотографии, купленные пару дней назад на ярмарке.

Взяв пачку фото, Юля вернулась за стол. Она подвинула лампу так, чтобы мягкий уютно-желтый свет падал прямо на снимки, и осторожно разложила их перед собой.

На первом фото был заснят, скорее всего, рынок зимой. Торговые ряды тянулись плотной линией, прилавки ломились от корзин и ящиков, женщины в платках и длинных юбках торговали, мужчины в жилетах и шляпах что-то оживленно обсуждали. В кадре чувствовался шум: голоса, звон монет, скрип телег. Фотография была немного смазана, но от этого казалась только живее, как если бы жизнь не хотела замирать даже ради секундного фото.

На втором фото было уже лето, и в очертаниях безошибочно угадывался Аничков мост. По каменной мостовой неторопливо катились кареты, а вдоль перил прогуливались дамы с зонтиками и господа в сюртуках. Сцена выглядела удивительно цельной и спокойной, будто город на мгновение замер, позволив себя запомнить именно таким: без спешки, без суеты, в мягком солнечном свете. Юля даже подумала, что вдруг она на этих ретро-снимках увидит Пушкина или Гоголя. Это был бы фурор! Никому не нужные карточки с

ярмарки стали бы культурной ценностью!

Взгляд переместился к третьему снимку, и Юля замерла. С фотографии смотрела та самая девушка с зонтиком. В ее глазах было что-то настораживающе осознанное, словно незнакомка знала, что когда-нибудь ее будут разглядывать вот так, поздним вечером, при свете настольной лампы, и именно Юля Синица. От этой мысли по спине пробежал легкий холодок.

Юля взяла фото в руки и перевернула. Из надписей – только название салона, где сделали фото, больше ничего. От досады она хмыкнула: все же надеялась, что кто-то оставил послание, пожелание, написал имя или инициалы. Ну хоть что-нибудь, чтобы понять, кто эта девушка!

Но, впрочем, отсутствие пометок было вполне объяснимо. В девятнадцатом веке фотография была дорогой и почти торжественной вещью, которую мог позволить себе далеко не каждый. Ее берегли, хранили в рамках, передавали от поколения к поколению. Конечно, кто-то мог и подписать фото, но было это редким явлением, а массовая привычка фиксировать имена, даты и истории пришла позже, в двадцатом веке, когда фотография стала обыденностью.

В дверь тихо постучали, и почти сразу в комнату заглянула бабушка.

– Юлечка, ты весь вечер сидишь над книгами. Глаза ведь не казенные, – мягко сказала она и тут же заметила разложенные на столе фотографии. – Ой, а это что у тебя там?

Она подошла ближе и привычным движением натянула на нос очки, которые всегда носила на веревочке на груди.

Юля вздохнула.

– Купила старые фото на ярмарке. А теперь вот думаю – и зачем? Что с ними делать? Куда их пристроить? Правильно Егор говорил...

– Ну вот еще. Ты дала чьей-то памяти вторую жизнь, разве этого мало? У нас вон сколько старых снимков. Моей молодости, родителей твоих, каких-то дальних родственников, которых ты и не видела никогда. Даже с похорон есть снимки, никогда не понимала эту моду фотографировать в гробах... Помнишь снимок, где тетка Люда и тебя поставила рядом? Жуть. – Бабушка поморщилась. – А кому фотографии нужны будут, когда нас не станет? Кто их смотреть будет? Никто. Сейчас все в телефонах да в компьютерах. Потеряется – и будто не было ничего.

Юля кивнула. Бабушка взяла фото с девушкой.

– Ох, какая хорошенькая, – протянула она. – На тебя похожа.

– На меня? – удивилась Юля и улыбнулась.

– Очень даже, – кивнула бабушка. – Только ты в морковный волосы красишь. А так – одно лицо.

– Бабушка, – засмеялась Юля. – А может, она тоже рыжая. Фото-то черно-белое.

– Нет, – уверенно отрезала бабушка. – У нее волосы темные. Шатенка она. Глаза карие. Уж я-то в черно-белых сним-

ках понимаю.

Юля скептически приподняла бровь.

– И помада у нее зеленая, – добавила бабушка как ни в чем не бывало. – А щечки, скорее всего, голубоватые. Но точно румяна у нее не розовые, а холодные.

– Зеленая? Голубоватые? – Юля даже подалась вперед. – Бабушка, ты сейчас серьезно?

– Конечно, серьезно. В эпоху черно-белого кино часто использовали зеленую помаду, для контраста, – со знанием дела заявила бабушка. – Как и голубые румяна. Эх вы, ничего-то вы не знаете, молодежь.

– Но она же не актриса кино.

Бабушка прищурилась и снова посмотрела на снимок.

– Да? А почему тогда она почти на всех фотографиях есть? Наверняка снимали какую-то серию.

Юля замерла. Потом резко развернулась к столу и схватила снимок с Аничковым мостом. В дальнем углу кадра, почти теряясь среди прохожих, стояла фигурка с зонтиком.

Она поднесла фотографию ближе, затем зажмурилась на секунду и снова всмотрелась. Ошибки быть не могло. Та же аккуратно собранная прическа, тот же зонтик с едва заметным цветочным узором и кружевной каймой.

Внутри поднималось странное щекочущее чувство: не страх, а азарт и почти детский восторг. Она торопливо взяла следующий снимок со сценой на рынке. Между лавками у бочек с соленой рыбой и мешков с мукой снова была она. В

длинном теплом платье, накинутой шали и аккуратных ботинках, слишком легких для суровых зим того времени. И тот же самый сложенный зонтик в руках, который был совершенно не к месту.

– Офигеть, – прошептала Юля. – Блин, бабушка, кажется, я купила какие-то необычные фотки. Ладно, тогда и денег не жалко на них.

– Ну вот видишь, – улыбнулась бабушка. – Теперь будешь гадать, чья это была дочь или супруга. Видно, очень любила фотографироваться.

Она вдруг спохватилась и всплеснула руками:

– Ой, у меня же чайник на плите! Не засиживайся, Юлечка. Уже поздно, а утром экзамен.

Юля кивнула, пожелала бабушке доброй ночи и снова вернулась к фотографиям. Она перебрала их все еще раз медленно и внимательно. Из одиннадцати снимков на восьми была она – незнакомка с зонтом. В разное время года, в разной одежде, в разных частях города, но сомнений не оставалось: одна и та же девушка.

Учебники и конспекты Юля решительно отодвинула в сторону и придвинула к себе ноутбук. Вбила в поисковик: «девушка фото Петербург XIX век».

Результаты посыпались сразу: дореволюционные снимки в цвете и без, статьи о моде того времени, подборки «оживших» фотографий и прочие фантазии нейросети, длинные рассуждения о быте прошлой эпохи в блогах историков и

искусствоведов. Юля пролистывала страницу за страницей, но все было не то. В изображениях, которые выдавал поиск, красавицы с зонтом не было.

Она глянула на часы. Было уже начало двенадцатого.

«Написать Егору? А вдруг он уже спит? Да нет, ну кто ложится спать так рано», – подумала она.

Юля все же взяла телефон, зашла на его страницу и задержала взгляд на строчке: *был в сети сорок минут назад*.

«Может, и правда лег. У него же завтра тоже экзамен», – решила она и, поколебавшись еще пару секунд, отложила телефон.

Юля аккуратно собрала фотографии в ровную стопку, обернула их вырванным тетрадным листом и убрала в рюкзак. Завтра в колледже она обязательно покажет эту странную находку Егору. Почему-то ей казалось, что без него в этой истории дальше не разобраться.

Глава 3

Едва выйдя с экзамена по истории искусств, Юля почти бегом направилась к стенду у деканата. Расписание с аудиториями висело криво, листы слегка топорщились по углам, и ей нужно было срочно понять, где именно принимают экзамен у группы Егора. Заметив в коридоре его одноклассника, она тут же подскочила к ним и, не успев толком перевести дыхание, засыпала вопросами.

– Сдает еще. Он в последней пятерке.

– А тебе-то что?

– А ты вообще кто?

Недоверие на лицах сменилось настороженностью так быстро, будто щелкнул переключатель. Кто бы сомневался: добрая половина колледжа тайно – а может, и не очень – была влюблена в ее друга.

Друга.

Ну да. Конечно.

«А ничего, что ты сама тайно вздыхаешь по *другу*, хватаешься за любой повод, чтобы с ним пересечься, и упорно убеждаешь себя, что признание только все испортит?» – язвительно напомнил внутренний голос.

Он, как назло, был прав. Юля сколько угодно могла твердить себе, что дружба важнее и что Егору она желает только счастья, но ловить на себе эти оценивающие, почти сопер-

нические взгляды было неприятно. И больно, пусть и совсем чуть-чуть.

– Да не смотрите вы на меня так, я его не съем, – как можно равнодушнее сказала она.

В этот момент дверь аудитории распахнулась, и в коридор вывалился Егор. Он явно торопился и едва не врезался в столпившихся у входа девушек.

– По крайней мере, не сегодня, – добавил она и, не давая Егору опомниться, потянула его в сторону. – Пойдем.

У кофейного автомата на третьем этаже, где они впервые заговорили, было на удивление пусто.

– Я думал, ты еще на экзамене, – сказал Егор, прикладывая карту к терминалу. – Забыл, что у вашей группы он был на восемь тридцать. Я к сто первой подошел в девять, а твои одноклассники сказали, что ты уже отвечаешь.

Автомат зашипел и затарахтел, будто внутри просыпался древний механизм, недовольный тем, что его снова разбудили без предупреждения. Он фыркнул, кашлянул и, поколебавшись, все же сдался: тонкой, чуть дрожащей струйкой в стакан полился кофе.

– Ты хотел меня утром увидеть?

От его слов в груди стало тепло, как будто кто-то осторожно пододвинул к самому сердцу кружку с горячим напитком. Юлия почувствовала, как напряжение последних часов – ожидание, экзамен, взгляды – медленно отпускает. Ей вдруг стало спокойно и немного неловко одновременно, оттого что

она для него была не просто пунктом в расписании.

– Конечно. Удачи пожелать. Хотя ты и без нее справилась на пятерку. – Егор улыбнулся и протянул Юле стаканчик. – Держи.

Юля приняла кофе обеими руками, будто боялась уронить не столько стакан, сколько этот внезапно хрупкий момент.

– О, то, что сдала на пять, – это капец какая случайность! Первую часть билета ответила нормально, а вот на второй вообще не знала, что говорить. Думала, не попадется этот билет... Преподаватель посмотрел, что я неплохо ответила на первую часть, и сказал: «Ну ладно, Синица, тогда задам только один вопрос. Если ответишь – пятерка». И спросил, какая деталь на картине Ренуара «Бал в Мулен де ла Галетт» подчеркивает легкость летнего дня.

Егор подставил второй стаканчик в автомат.

– А что это за картина вообще? Впервые о такой слышу.

Юля сделала несколько глотков горького кофе, поморщилась, сообщила, что он какой-то холодный для горячего напитка, и залпом допила содержимое.

– Вот и я не в курсе! – воскликнула она. – Не проходили мы такое! Я из «Мулен» знаю только «Мулен Руж», но это вообще не из той оперы.

Юля потряхнула рыжими кудряшками и продолжила:

– Ну я и выдала то, что первым пришло в голову: что на картине все люди улыбаются. И препод такой: «Точно! Мо-

лодец, Синица!» Короче. – Юля перевела дух. – Я в шоке.

– Ты молодец, – рассмеялся Егор. – Тем не менее все равно не зря зубрила билеты.

– Кстати, по поводу зубрила. Я вчера вечером села читать и шпоры писать и знаешь, что внезапно обнаружила? Смотри.

В два прыжка Юля оказалась у подоконника, поставила на него стаканчик и вытащила из сумки старые снимки.

– Фотки, которые ты купила недавно, – недоуменно поднимал на девушку взгляд Егор. – И что? Я же видел их уже.

– А ты присмотрись, присмотрись! – сказала Юля, почти сияя, с легкой победной искрой в глазах, как будто собиралась раскрыть самую интригующую тайну на свете.

Егор осторожно перебирал фотокарточки, все еще не совсем понимая, чего от него ждут. Посмотрел обороты, а потом даже зачем-то понюхал одну из них.

Юля закатила глаза и притворно вздохнула:

– Я тоже не сразу заметила. А вот бабушка моментально, представляешь? Вот эта девушка с зонтиком, видишь?

– Ну... – Егор прищурился и словно впервые заметил деталь.

– Она есть на каждом фото! – добавила Юля, сияя от восторга и легкого азарта.

Егор свел брови и аккуратно разложил фотографии в ряд на подоконнике.

– И что? – спросил он наконец.

– Как что? Как что! – воскликнула Юля. – Неужели тебя не удивляет, что на фотографиях разного времени года, разных годов в принципе – ну, мне так кажется – одна и та же дама с зонтиком?

– Эм-м, да не особо удивляет. Наверняка эта девушка была из знати, вот и могла себе позволить фотографироваться когда хочет и где хочет. Можно подумать, что у тебя нет фото в разное время года.

– А то, что снимки сделаны в разных фотосалонах? Тебя это тоже не настораживает? – приподняла бровь Юля. – Обычно состоятельные семьи имели свои любимые студии.

– Но это не значит, что они вообще никогда не ходили в другие. Ходили, и довольно часто, чтобы получить другой ракурс или стиль.

Юля обиженно сгребла снимки и сунула их в сумку.

– Юль, ну ты чего? – удивился Егор.

– Ничего... – пробурчала она, но почти сразу сдалась и улыбнулась. – Ладно, наверное, ты прав. Я тут себе целый детектив придумала, а все оказалось куда прозаичнее.

– Так куда отправимся отмечать сдачу экзамена? – Егор нарочно сменил тему.

– На крышу?

– Куда?

– Ну... на крышу. – Она повторила это слово с таким озорным видом, что Егор сразу понял: спорить бессмысленно.

Он усмехнулся и покачал головой.

– Ох, Юля... Только давай хотя бы с легальным ружьем, ладно?

– Ладно-ладно, – рассмеялась она и вдруг чуть смутилась, словно сказала лишнее. – Ты лучший, Егор.

Егор на секунду замешкался, будто слова Юли застали его врасплох. Он отвел взгляд, сделал вид, что слишком увлечен кофейным автоматом, и поправил ремешок рюкзака на плече.

– Да брось, – сказал он легко, почти небрежно. – Это ты у нас сегодня герой дня, самая лучшая.

Он шагнул ближе к подоконнику, чтобы забрать стаканчик, и невзначай коснулся ее локтя. Юля вздрогнула, словно от легкого удара током, и тут же мысленно отругала себя за такую реакцию. Сердце глупо сбилось с ритма, а в груди стало тепло и неловко одновременно, будто ее поймали на слишком личном, о чем знать никто не должен.

«А может, это ты глупая, а не я?» – ехидно откликнулось сердце где-то внутри.

Егор прервал ее мысли, уже отворачиваясь к автомату:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.